

ШИРИН МАНАФОВ

ОБОРОНА ШУШИ

В №№ 116 и 117 газеты «Новое время» были опубликованы материалы о кровавых событиях в Шуше в 1905 году. Армянские провокации обошлись дорогой ценой, убито с обеих сторон 250 человек, 200 домов сожжено. Дашнакские отряды на протяжении почти полугода блокировали дороги из Агдама в Шушу. Естественно, население этого города было подготовлено к событиям и 1918 года, и 1991 года.

Сегодня мы публикуем рассказы бойцов Шушинского батальона. Прошло уже много лет, тем не менее каждая встреча бойцов – это анализ тех трагических событий, обсуждение в деталях обороны и причин сдачи родного города. Шуша всегда воспринималась шушинцами как оплот духовной силы, как особенное место, которое надо обязательно вернуть. Поэтому на встречах бойцов всегда анализируется события 7-8 мая 1992 года, чтобы передать молодому поколению как можно более полную картину этой трагедии. В этом и долг защитников города, и боль утраты, и почитание Шуши как города-святыни.

Защитники Шуши считают важным вкладом в национальную историю память о каждой минуте обороны города, о героизме тех, кто оборонял город. Мы должны по крупицам собрать все факты об истории обороны Шуши, о самоотверженности ее защитников, отдававших свои жизни, защищая ее, хотя они знали, что город обречен и помощи ждать неоткуда. Важно сохранить и передать отношение бойцов к Шуше, как к одному из важных центров сопротивления военной агрессии. Поэтому все этапы боевых действий, начиная с уничтожения армянами поселка Кяркиджахан рядом с Ханкенди (Степанакертом) и до 8 мая 1992 года, весь боевой путь Шушинского батальона, сражавшегося и после взятия Шуши, должны быть описаны, проанализированы и сохранены для будущих поколений.

Помочь в этом могут беседы с ветеранами Шушинского батальона.

Записи из дневника 1992 года. *Это воспоминания бойцов Шушинского батальона, с ними я беседовал в декабре 1992 года, когда батальон располагался вблизи Тертера.*

Джейхун Мамедов: *(родился в Шуше, здесь закончил школу, работал шофером, занимался спортом. В советской армии служил в Архангельской области, чемпион Архангельска по вольной борьбе. В Шушу вернулся в 1988 году)* Для меня война началась с обороны поселка Кяркиджахан в начале декабря 1991 года. Тогда с автоматами, охотничьими ружьями мы шли против танков 366-го полка, расквартированного в Степанакерте. Танки уничтожали дома, проезжали по ним, как бульдозеры, поселок на окраине Ханкенди перестал существовать. Многие мои друзья были ранены, мы доставили их в шушинскую больницу. С болью вспоминаю оборону Шуши. Из родного города мы с товарищами вышли в последний день обороны. Об этом рассказывать тяжело, нас предали. Шушинский батальон самообороны воевал до последнего патрона и последней возможности. Но судьба города была решена, и решалась она не в Шуше.

Мы вернемся, обязательно вернемся, я и мои товарищи и наши дети. Ни себя, ни моих товарищей мне укорить не в чем. Шушинцы воюют стойко и умело. 22 января

1992 года произошел бой возле Гаджи таласы вблизи уничтоженного Кяркиджохана. Нас было восемь бойцов, ранним утром мы пошли в разведку и обнаружили армянский отряд численностью примерно в 200-250 человек. Они разбили палатки, мы насчитали 70 палаток в ущелье рядом с речкой. Мы бесшумно сняли часовых и ошеломили врага перекрестным огнем по палаткам. Только когда прошел шок первых минут, армяне разобрались, что стреляют всего с восьми точек. Они поняли, что против них выступила горстка бойцов, и решили взять нас живьем. В результате потеряли около 80-ти бойцов. Мы потеряли нашего друга Габилу. Он был ранен, рана была неглубокая, мы просили его уйти с нами, но он ответил, что будет прикрывать наш отход, а нам он будет обузой, и армяне догонят нас. Мы оставили ему второй автомат и отошли. Габиль проявил героизм и спас наши жизни. С раненым наша группа не смогла бы уйти от преследования. Габиль спас нас всех и умер как боец. В плен не сдался, обороняясь до последнего, и был убит.

Шахмар Вердиев: (1942 года рождения, жил со своей семьей в Степанакерте. Ночью его семью выгнали из родного дома. Эти погромы азербайджанских семей, жителей Степанакерта, происходили во время правления А.Вольского, советская армия не вмешивалась. Детей Вердиева и его самого озверевшая толпа избивала. Сын Шахмара долго потом лечился в травматологическом отделении больницы в Агдаме) Наемники из Гарабаха в основном ушли, их заменили армяне из Ахалкалаки, из Армении и солдаты из 366-го полка, которым платили большие деньги. В составе нашего Шушинского батальона воевало несколько чеченцев; смелые и решительные парни, отличные разведчики, на них можно положиться. Не все так воевали, как Шушинский батальон, трусов было много. В бою за село Баш Гюнейпая наша пехота разбежалась, видя это, танкисты бросили танки и дали деру. Бойцы Шушинского батальона отбили эти танки и сообщили танкистам: «Возвращайтесь к своим танкам». Я с товарищами участвовал в том бою. Шушинский батальон сдерживал атаки армян до тех пор, пока танкисты не вернулись и не вывели технику. Это был очень печальный опыт, пехота не пойдет в атаку, если ребята боятся, что вдруг танкисты бросят поле боя. Наблюдая такое, мы настаивали на том, чтобы несколько танков было передано в состав Шушинского батальона, но не были услышаны.

В составе Шушинского батальона были не только шушинцы, были и бакинцы, и выходцы из других районов. Например, Али Багиров, родом из села Дигях Масаллинского района. С 1978 года работал в Красноярске шофером, вернулся в 1990-м.

Али: Мы вспоминаем дни обороны Шуши. Ищем наши ошибки, сравниваем рассказы участников обороны. Наш отряд оборонялся в районе тюрьмы, всего 36 бойцов. Из них 34 геройски погибли, это было 8 мая. Альберт Агаронов пробился к нам на танке, чтобы вывезти из окружения. Четверо из наших сели на танк, но двое из них были убиты снайперами. Из того отряда из 36-ти бойцов только я и Мустафа Гаджиев остались в живых, и кровь погибших наших товарищей взывает к отмщению. 34 героя оборонялись до последнего, уже зная, что подмоги не будет и Шушу сдали.

Фагани Азимов (коренной шушинец, 28 лет) Мэром города был Микаил Гезалов – подлинный лидер шушинцев. В нем мы все были уверены на все сто, он создал прочную оборону города, и при нем Шуша была готова к отражению наступления. При нем было главное – высокий боевой дух обороняющихся, уверенность в своих силах, согласованность всех отрядов. Но Микаила Гезалова убили 11 декабря 1991 года. План сдачи города, значит, к тому времени был уже готов. Его убийца – Эльбрус Мамедов – местный, шушинец. Его пытались оправдать, мол, психически больной человек, наркоман, и у него был какой-то конфликт с Гезаловым. Но мы все его знаем: не болен он никакими психическими заболеваниями, не был наркоманом, и не

было у него никакого конфликта с Гезаловым. Микаил Гезалов кому-то очень мешал, он бы ни за что не позволил сдать город. Микаил был нашим лидером, надеждой и верой шушинцев, все силы он отдал на укрепление обороны Шуши. Наблюдая отношение тогдашнего руководства республики, Микаил говорил нам: «Шушу спасут гарабахцы, шушинцы». Армяне знали – на сделку не пойдет. За это его и убили руками наемника. Микаил был человек чести, он вдохновлял нас всех, это было в то время, когда с тремя ружьями и десятком патронов мы шли каждую ночь на посты. Микаил был опорой всех оставшихся в городе людей. Он был уверен, что его убьют, и готовил себе преемника – Рамиза Гамбарова. Рамиз создавал второй Шушинский батальон, в перспективе планировалось создание полка. Но Рамиз погиб в бою при Гаджи таласы, и полк не был создан. Из-за того, что шушинцы хорошо воевали, сформировали второй батальон. Сейчас наши бойцы стоят на постах близ села Ших-бабалы, около Нахчиваника. *(запись разговора 1992г. – автор.)*

Можно взять Нахчиваник? Мы его уже брали. Можно еще раз взять, но бойцы думают: «Зачем рисковать? При взятии погибли товарищи и чем кончилось?» Ведь когда мы брали Нахчиваник, не пришло подкрепление, не было снабжения боеприпасами, и бойцы теперь думают: «Нас опять могут предать и не прислать подкрепление». Неужели в наших интересах проиграть, испить до конца чашу унижений? Гезалова убил азербайджанец, отдают позиции, кровью наших бойцов взятые, тоже азербайджанцы. Не приходит снабжение, нет пополнения боеприпасов и бойцы вынуждены уходить с взятых кровью товарищей позиций и высоток. Сейчас нет никого, кто воюет с подъемом, с верой. Мы все на своем опыте убедились – мы пешки в большой игре. Отсюда дезертирство, самострелы.

Яшар Магеррамов: После сдачи Шуши почти не встречаюсь с родными. При виде отца опускаю лицо, хотя он знает, я вышел из Шуши с последним отрядом. В моем родном городе сейчас хозяйничают армяне. Страшное унижение, человек сам себе противен, и противен весь мир. Ведь даже за несколько часов до сдачи Шуши, приди хотя бы небольшая поддержка, мы смогли бы спасти город. Все лучшие парни уже в земле, я хочу к ним, но жизнь свою отдам дорого. Все, кто позарился на нашу землю, и наслаждается нашим унижением, должны знать: я и мои товарищи отдадим свои жизни дорого, просто так не сдадимся. Говорят, что, мол, нация формируется, что ответственный момент и все прочее в этом духе. Пока наша вершина – Шуша – в руках врага, и мы, участники обороны, знаем, что не армяне завоевали Шушу, а это результат ослабления обороны Шуши после смерти мэра Гезалова, фактически сами ее отдали, нация не формируется, напротив, она разрушается от мысли, что судьбой народа играют какие-то государства, управляют, как игрушкой. Что я могу сказать сыну? Что меня, взрослого мужчину, втоптали в грязь, унизили не враги, а предатели. Как сделать так, чтобы это не повторилось с моим сыном? Мы, шушинцы, гарабахцы должны объединиться, если будет продолжаться эта нечестная игра за спинами бойцов, за которую мы платим гибелью друзей, то у нас нет другого выхода: или мы должны освободить свой город или все погибнуть в бою за Шушу. Может, тогда пробудится понятие чести, совести в тех, кто предает нас. 70% боеприпасов с военного склада в Агдаме было свезено и складировано в армянской церкви в Шуше. Уходя, не взорвали. Такие подарки просто так не делаются.

Шушинский батальон специально разбросали, нас всех раскидали, часть бойцов-шушинцев сейчас в Лачине, часть в Тертере. Не дают нам объединиться. Нам остается единственный выход – партизанская война. Если ход событий не изменится, мы выйдем из подчинения командования, пока не освободим Шушу и Лачин. У каждого из бойцов-шушинцев брат или друг погиб. Смерть взяла самых смелых, сильных, решительных. Нам не будет оправдания, если мы не отомстим за их гибель возвращением Шуши.

В сентябре 1992г. Шушинский батальон взял с боем село Мехмана Агдеринского района. Следом за нами в село вошли грабители. Входили в дома и тащили холодильники, мебель. Мы выждали, когда грабители соберут все на улице перед домами и расстреляли все эти холодильники и телевизоры. Грабители визжали от досады, мы их прогнали. Если те, кто хочет отдать нашу гордость – Шушу, наш Гарабах врагу, будут обладать властью, они должны знать: чтобы осуществить свою подлость, им надо истребить всех бойцов-гарабахцев.

Ровшан Абилов: В конце октября 1991 года погиб наш друг Ахлиман Мехтиев. Это был настоящий воин. В тот день к нему из России приехал брат, не виделись несколько лет.

Ахлиман сказал: Передайте брату, когда сменят с поста, встречусь с ним.

На пост мы выезжаем не меньше, чем на неделю. Хотя ребята, конечно, его отпустили бы, и подмена нашлась бы.

В день приезда брата Ахлиман погиб от разрыва снаряда.

Он мечтал сыграть свадьбу в день освобождения Шуши. Ясно было, что мы войдем в полностью разрушенный город, но пусть на улице, в палатке, среди развалин пройдет свадьба, – мечтал мой друг, – лишь бы в родной Шуше. И обязательно в день освобождения города. Возрождение Шуши начнем со свадьбы. Многие из бойцов не женаты, о свадьбах подумаем после освобождения нашей земли, Гарабаха.

Лейтенант Шахид Алекперов: Действительно, 366-ой полк не вышел из Гарабаха, в полку осталась почти вся техника: более ста танков и БТР-ов. Солдаты и офицеры подписали контракт с армянами и сменили наемников из Франции, Ливана и других стран. Видимо, меньше берут. Да и зачем наемники, если есть 366-ой полк. Когда был создан Шушинский батальон в ноябре 1991 года, вначале нас было всего сто человек. Сейчас в нашем батальоне не только шушинцы. Рамих Аббасов из Баку, Элькин Пашаев из Джалилабада... Чингиз Багиров из Дербента был ранен в бою, отлежался в госпитале и вновь вернулся в батальон. Среди нас воевал парень по имени Борис, с Украины. Не наемник, деньги его не интересовали. Сейчас воюет в Агдере. В наш батальон вступил турок Ахмед Гюршад. Нелегально перешел границу, приехал к нам, записался в батальон и воевал отлично. Геройски погиб в октябре под селом Фаррух. Смелый был боец, немало врагов уничтожил в бою. Мы считаем теперь, что шушинцы – это не только те, кто родился в Шуше, но и те, кто доблестно воевал в нашем батальоне. Всех нас уничтожить невозможно.

О падении Шуши

Асиф Ибрагимов: (с 1981 года работал в газете «Шуша» печатником, командир взвода самообороны Шуши.) Седьмого мая мой взвод держал оборону в районе тюрьмы. В три часа ночи восьмого мая армяне начали артобстрел Шуши. В семь утра началась атака. Я участвовал в бою с семи утра, в 13 часов был ранен в руку. Меня доставили в больницу, сделали перевязку и отправили в Лачин. В тот день я подумать не мог, что произойдет страшное несчастье, и город будет сдан. Наш взвод сражался стойко, и мы не отступили ни на шаг. Хотя уже в первой половине дня наша техника отошла, и наш взвод не поддерживала. Нам очень помог только один наш товарищ, водитель БРДМ Октай, раньше он работал в шушинском «Колхозстрое». Доставлял боеприпасы, вывозил раненых. Я сам видел, как два наших танка покинули позиции, когда танки армян находились еще в районе заправки, то есть располагались ярусом ниже наших танков, и была отличная возможность их подбить. Уже в первые часы боя восьмого мая стало ясно, кто чего стоит. Но то, что самыми трусливыми окажутся танкисты, никто из нас не ожидал.

В защищавшей Шушу автороте имелось, насколько я знаю, пять танков, не менее пяти БМП и столько же БТР. Если бы вся эта техника работала также самоотверженно, как Шушинский батальон, мы бы город не сдали.

Армянская бронетехника входила в Шушу с двух направлений: с нижней дороги и со стороны Кяркиджахана. У моих бойцов был такой настрой, что если бы подержала наша техника, мы готовы были провести контратаку и войти в Степанакерт. Этого нельзя сказать о других пехотинцах. Много парней попросту бежали еще в разгаре боя. Среди тех, кого направили защищать Шушу, было много необстрелянных, непроверенных в боях парней. К вечеру восьмого мая раненых доставили в Лачин. А 9 мая армяне начали обстреливать Лачин из «Града», из села Дыг Герусского района Армении.

Ровшан Зейналов: *(боец Шушинского батальона, 1965 года рождения.)* Наше отделение из шести бойцов располагалось в момент атаки на город на своем посту рядом с больницей. Ребята находились в домах, близко расположенных к Топхана. На нашем участке наступала только пехота. Атака началась в 5:30 утра. Наступавшие все были в бронезилетах и в масках, их численность составляла примерно триста человек. Мы оборонялись, никто не покинул поле боя, хотя подмоги не было. Меня ранило в три часа дня. Ребята еще оборонялись, когда меня доставили в больницу. Армяне несли потери, залегали и вновь шли в бой, атака несколько раз возобновлялась, но на нашем участке они продвинуться не смогли, хотя против армян было всего шесть наших бойцов. Тогда они пошли в обход, хотели пройти от Топхана в район армянской церкви. Все атаки пехоты подкреплялись артобстрелами. Нас обстреливала артиллерия из Гызылгая близ Топхана, а также из сел Мухатяр, Шушикенд, Кешишкенд. На место сбежавших парней из Милли орду становились шушинцы, даже пожилые люди. Подвоза боеприпасов и питания не было, никто из офицеров обороной нашего участка не руководил, к нам вообще никто не подошел. Когда наши бойцы увидели, что армяне, понеся большие потери, хотят нас обойти, взвод отошел со своих позиций ближе к армянской церкви. Я и все остальные из нашего отделения родились и жили в районе Топхана, мы защищали родные дома. Никто не покинул поле боя. За два дня до атаки армяне поставили пушки в районе Гызылгая, у командования обороны Шуши еще было время подготовиться. Но посты были предоставлены самим себе, не прибыло пополнение ни живой силой, ни техникой. У нас не было рации, никаких указов мы не получали и не знали общей обстановки в городе. Мы находились в подчинении первого батальона Милли Орду.

Артиллерист Али Расулов: Наше орудие находилось рядом со зданием управления «Колхозстрой». Запас снарядов был огромный. В полдень восьмого мая нас начали обстреливать из автоматов и гранатометов. Я получил и пулевые, и осколочные ранения. Можно было защищаться, если подошла бы помощь, и удалось бы тогда подавить точки, из которых армяне обстреливали наш склад со снарядами. Наше орудие досталось врагу. В армянской церкви находился склад боеприпасов, снаряды для орудий, для «Града». Склад не вывезли и не подорвали. Защитники Шуши стали жертвами предвыборной кампании. Ни в одной стране в состоянии войны выборы президента не проводились.

Шушинец Рашид Логманов, шофер: Я находился в районе автобазы. Видел, как по нижней дороге со стороны Степанакерта в Шушу вошли четыре танка, «КамАЗ», два уазика и белая «Нива». После того, как Рагимбей Газиев уехал из Шуши, начались свары, разброд среди командиров, новый комендант Шуши приступил к своим обязанностям за несколько дней до наступления армян.

Танкист-наводчик танкового батальона «Сабаил» Мурад Ибрагимов:

Нас подняли в три ночи. Группа армян прорвалась в районе АЗС. С помощью спецназа нам удалось оттеснить их в район асфальтового завода. В Шуше находилось всего три наших танка. Один на горе Кирс, другой в районе Дашалты, в третьем находился я с товарищами. К восьми утра 8 мая танк на горе Кирс истратил все снаряды, не было и горючего. Чтобы не оставлять танк армянам, решено было сбросить танк с горы. На горе Кирс армяне захватили раненых наших бойцов, технику: Газ-66, тягач.

Два оставшихся танка продолжали бой, мой танк вывел из строя один вражеский танк и два БМП. В том бою был убит отличный наводчик Альберт Агарунов, погибло несколько героически сражавшихся спецназовцев. Нам не хватало снарядов, но мы удерживали свои позиции. На нашем участке армяне не могли продвинуться. Мы неоднократно запрашивали помощь, но вместо подкрепления к 20-ти часам мы получили приказ отойти назад. Мы вынуждены были подчиниться. У нас оставалось всего 9 снарядов. Командир танка получил приказ сопровождать транспорт с ранеными в Лачин. Фактически наш танк вывели из боя. Третий наш танк отправили на помощь защитникам села Кесалар.

Мы не сдали Шушу, танкистов заставили покинуть город. Армяне имели преимущество в технике. Из Шуши было видно скопление на нижней дороге до 25 БМП. Защитники города ожидали с утра прибытия вертолетов. Только в 16 часов подлетел один военный вертолет, по ошибке обстрелял наши же позиции на горе Кирс и в районе АЗС.

Боец Шушинского батальона Фахраддин Насиров: В шесть утра мы были в район фабрики музыкальных инструментов и заняли оборону. Бой проходил недалеко от нас, рядом с райпо. Нас было 18 бойцов, продержались до 19 часов. Ожидали подкрепление, никто не прибыл. Вместо помощи получили по рации приказ в 17 часов подняться в верхний ярус Шуши. Наш командир наотрез отказался подчиниться. Но через два часа мы вынуждены были покинуть нижний ярус ввиду массированного огня противника и отсутствия боеприпасов. Во всех частях Шуши шли бои, шушинцы стояли насмерть. Один из таких ожесточенных боев проходил в районе тюрьмы. Начальник тюрьмы решил выпустить заключенных, им раздали оружие и они храбро сражались. Мой знакомый Ислам Багиров был заключен в тюрьму на 15 суток за мелкий проступок, ему выдали винтовку, он оказался отличным снайпером. Одного из заключенных звали Володя, фамилии не знаю. Когда у нас закончились боеприпасы, Володя рискнул и пробежал под обстрелом армян до склада и вернулся с ящиком патронов. Другой заключенный сначала помогал заряжать оружие своему бывшему надзирателю, затем подобрал автомат погибшего бойца и вступил в бой. Нам очень помогал 13-летний мальчик из соседнего с Топхана дома. Паренек помогал старшим, в том бою погибли и Володя, и тот 13-летний Гаврош. Погибли офицер Гамбар Гасымов, двое надзирателей и двое заключенных.

По словам главврача шушинской больницы Ромика Магеррамова, медперсонал вывел из-под обстрела 8 мая 82 раненых, семеро погибло.

Погибли защитники маленького села Гайбалы. Туда вошли два армянских БМП.

Из 30 жителей, оставшихся в селах Набиляр и Дашалты, в живых остались только трое.

Мирные жители Шуши были вывезены без потерь, все 20 тысяч человек. Эвакуирована больница.

Остались вопросы, их слишком много, и до сих пор нет ответа. Например, по словам многих бойцов, в частности, танкиста Арифа Бабаева, за час до артобстрела Шуши, отряд из 70 бойцов во главе с Тофиком Огузом вышел из Шуши.

В самом начале боя добровольцы из Евлаха покинули Шушу и были разоружены в Лачине. По словам бойцов из Абшеронского батальона Амира Гусейнова, дошедшего со стороны Лачина к Шуше с необходимой боевой техникой в 19 часов, их задержали посты нашей армии на целых четыре часа.

К этим фактам надо присоединить поразительное по своей беспомощности, опубликованное 12 мая 1992 года, обращение к народу осуществляющего полномочия президента АР председателя Верховного Совета республики Ягуба Мамедова.

«По сведениям руководства Минобороны, действительно началась атака на Шушу, а территория Лачинского района обстреливалась ракетами «Град» и «Кристалл», различной военной техникой со стороны Горисского района Армении. Но Минобороны заверило нас, что оснований для растерянности и беспокойства нет, что не так все тревожно, что в Шуше и Лачинском районе у нас достаточно военной силы, снаряжения, техники и принимаются должные меры.

Но я испытывал крайнее беспокойство, поэтому позвонил прямо в Шушу, переговорил с ее руководством. Мне доложили, что там крайне тяжелое положение. Шуша окружена со всех сторон огромным количеством военной техники и живой силой армян, непрерывно обстреливается и, если не помочь Шуше срочно живой силой и техникой, то судьба Шуши в опасности.

*Мы вновь переговорили с Минобороны, дали им указания, там нам сказали: да не верьте вы всему, что они вам говорят, это у них привычка такая. В Шуше достаточно сил, есть и техника, мы принимаем и будем принимать меры по обороне Шуши и по защите границ. Я связывался с Шушой каждые полчаса. И каждый раз убеждался, что сведения из Шуши и сведения из Минобороны носят прямо противоположный характер. (Почему не сменил руководство Минобороны? – авт.) Последний разговор с Шушой состоялся у меня 8 мая, в половине шестого вечера. Вести были тревожные, и я вновь довел эти сведения до руководства Минобороны и вновь услышал те же ответы...» (**«Бакинский рабочий»**, №93, 12 мая 1992г.)*

Последнее предложение самое поразительное. С какой целью руководство Минобороны дезинформировало и.о.президента? Фактически Я.Мамедов обвинил тогдашнее руководство Минобороны в сдаче Шуши. Но почему Я.Мамедов узнал о предателях в руководстве только в день сдачи Шуши? Слишком много вопросов осталось без ответа до сих пор.

Шуша: жизнь в осажденном городе

Ситуация в Шуше за 4 месяца до сдачи города.

Я доставил партию медикаментов в шушинскую больницу.

Шуша была три года в осаде. С декабря 1991 года, после зачистки 366-м полком Кяркиджахана, положение в Шуше резко осложнилось. Город был в блокаде, обстреливался из сел Мхетаркенд, Шушикенд, Дашалты, а теперь еще из Кяркиджахана.

По больнице ежедневно стреляли из двух БТР-ов из Топхана, с расстояния не более километра. Во времена правления А.Везирова писали: Топхана – святыня, надо остановить бандитов, здесь рубят деревья.

Как быстро все меняется. Теперь писали: Шуша обстреливается с Топхана.

В 1991 году врачи просили у военного коменданта Шуши Самарина поставить пост на Топхана и отогнать БТР-ы.

Комендант вспылил: «Рожать мешают? Ну и мать их...».

К кому это относится? К роженицам или тем, кто мешал? Но армянские БТРы не отогнал.

В больнице второй этаж – хирургия, третий – родильное отделение. Несмотря на три года блокады, рожают с неменьшим усердием.

Шерше ля фам

У заведующей родильным отделением Эльмиры Худиевой я попросил данные по рождаемости за последние пять-шесть лет. Когда она показала мне их, я сказал: – Эльмира-ханым, вот вы и есть та самая «**шерше ля фам**».

– Объясни, – встревожилась гинеколог.

– В основе гарабахского конфликта – демография. Вот вы и есть та самая фам, из-за которой произошел конфликт.

Данные по рождаемости были такие:

1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, за 11 месяцев 1991г.:

362, 370, 451, 453, 462, 425!

То есть, разгар событий, пик конфликта – 1991 год, а рождаемость в Шушинском районе стабильно высока, в то время как у армян – резкое падение рождаемости. Стабильный рост даже в тревожные годы митингов. Мало того, рождаемость в одном Шушинском районе превышала рождаемость остальных четырех районов НК.

– А при чем здесь я, – с тревогой спрашивает гинеколог.

– Вы каждый год отвозили сведения в Степанакерт, там подсчитали, что с такой скоростью через 8-9 лет численность азербайджанцев и армян сравняется. Поняли, что время против них, и – началось. Так что поздравляю – вы та самая «фам», которую все ищут. Ваша отчетность – в основе конфликта.

Больница

Главврача шушинской больницы все звали Ромик-доктор. Маленького роста, неразговорчивый, он жил в больнице, спал не более трех часов в сутки, ежедневно делал множество операций.

Но главное – защита здания от обстрелов. В перевязочной, в операционной и комнате, где врачи моют руки, на окнах были сделаны металлические щиты. В щитах – тысячи дырок от пуль и осколков гранат. Больница была главным объектом обстрела. Больница жила, несмотря на отсутствие света, воды и постоянные обстрелы. Шушинцы должны были быть уверенными – больница работает круглосуточно, надежно. Больница превратилась в очаг сопротивления, который вдохновлял горожан. Главврач Ромик Магеррамов неоднократно летал на вертолете в Агдам, пытаясь у военной комендатуры выбить артиллерию, чтобы отогнать боевиков от больницы. В Шуше оружие было у отряда Самарина, он не мешал уничтожению больницы. Не раз операции шли под обстрелом, боевики подбирались на расстояние в 500 шагов и обстреливали сердце больницы – операционный блок. Стало привычным делом оперировать раненых под обстрелом. Врачи спешили, света не было, и работал движок, но силенок у него хватало от силы на час-полтора. Все обращения к военному коменданту Шуши Самарину ничего не давали.

«Не знаю ни одного случая, чтобы наши омоневцы обстреливали больницу в армянском селе», – говорит во время перекура между операциями Ромик.

«Армяне уничтожили медпункты в селе Мешали, в Амиралар, в десятках других наших сел, – добавляет завхирургией Назим Аллахвердиев. – В Губатлинском районе в первую очередь в селах уничтожались медпункты».

Через час майор Таиров из шушинского РОВД привез раненого. Он рассказал врачам о том, что видел в селе Дашалты. Там боевики вспороли одной женщине живот и в живую еще женщину вложили дрова, облили керосином и подожгли.

О таких зверствах мы слышали все чаще, это был какой-то чудовищный ритуал.

Хирургия

Заведующий хирургическим отделением Назим Аллахвердиев всегда гладко выбрит. Даже после восьми часов в операционной, падая от усталости, он принимал родственников раненых, был вежлив с ними, пытался ответить на все вопросы. Два человека в Шуше, доктора Ромик и Назим, обеспечивали надежность, стабильность. А военная машина работала против города, выдавливая горожан из Шуши. Хирурги были единственными, освобожденными от дежурств на постах. Оружия не было, на пост ходили с охотничьими ружьями. Даже у бойцов РОВД не у всех были автоматы.

Назим – хирург первой категории, родом из Лачина. Пять лет проработал хирургом в центральной больнице НКАО в Степанакерте. В Шуше с 1988 года. При его участии сделана запасная операционная в подвале больницы. Привык работать под обстрелом. В 1990-м, когда военной комендатуры в Шуше еще не было, боевики не смели приблизиться к городу. В день осматривает до 50 раненых и пациентов, это не считая операций.

«Ситуация быстро меняется, – отмечал хирург. – Если в 1991 году ранения были, в основном, пулевые, то с начала 1992 года ранения осколочные, у боевиков появилось много гранатометов и минометов. Травматизм гигантский».

Он уже привык к сверхнагрузкам, работоспособность поразительная. Ежедневно новые раненые, десятки операций, извлекает пули и осколки мин.

Война набирала силу, становилась прозой. Главное для главврача и заведующего хирургическим отделением – обеспечить медпрепаратами, кровью и кровезаменителями, перевязочным материалом.

Назим вспоминает работу в Степанакерте. Центральная больница была одним из очагов движения «Гарабах». Его непосредственное начальство, главный хирург НКАО Эдик Гукасян, был активным членом «Крунка». Врачи-армяне были самыми активными участниками, они знали статистику рождаемости и смертности, это подхлестывало. Всех врачей-азербайджанцев методично выживали из центральной больницы НКАО. До 1988 года давали выговоры и затем заставляли уйти с работы. В 1988 году стали выгонять нагло, открыто, без объяснений. Последние, кого выгнали с работы, – детские хирурги А.Абдурахманов, М.Гусейнов, а рентгенолога Низами Кулиева избили так, что он оказался в реанимации нашей больницы. Через три месяца крепкий сорокалетний мужчина умер от последствий побоев.

Покинув больницу и перейдя на работу в шушинскую больницу, осенью 1991 года Назим давал интервью в одной из бакинских телепередач. Сразу после выхода телепередачи в эфир к нему в Шушу из Степанакерта раздались звонки – бывшие коллеги угрожали ему, обещая, что вскоре он будет лежать на операционном столе с армянской пулей. Звонки с угрозами постоянно раздавались во всех кабинетах и отделениях шушинской больницы. Так армянские врачи старались «внести свой вклад в общенациональное движение».

Хирурги Назим Аллахвердиев, Ромик Магеррамов были незаменимы в Шуше. Позднее Назим стал ведущим хирургом в военно-полевом госпитале в Тертере. Даже кратковременное отсутствие кого-либо из хирургов в больнице могло вызвать панику и имело бы необратимые последствия. Мы не замечаем героев, но отсутствие их на своем посту вселяет страх. Именно врачи армянские и азербайджанцы, работавшие в больницах НКАО, знали суть конфликта, понимали глубинную природу того страшного армянского ритуала: вспарывания живота беременным женщинам. При всей своей варварской сути, он не был никогда никем из армян осужден, поскольку воспринимался именно как ритуал. Наблюдения и опыт шушинских врачей, и в первую очередь тех, кто работал с активистами-крунковцами в центральной больнице НКАО, сейчас очень важны, поскольку до сих пор неясна в полном объеме природа конфликта. Не все объясняется только историей.

Как создавался плацдарм для наступления на Шушу

Когда произошла зачистка Кяркиджахана, шушинцы говорили – советская армия создала армянам плацдарм для нападения на Шушу. Другим плацдармом были села Шушикенд, Мхетаркенд, Дашалты.

В день отъезда из Шуши ко мне подошел солдат и протянул конверт: Брось в Баку, это письмо любимой девушке.

Я взял письмо, но в Баку оказался нескоро: прежде Лачин, затем Кубатлы, затем Агдам. В один из вечеров я, каюсь, вскрыл письмо и прочитал его. Любовное письмо меня потрясло. Я его никуда не послал. Считаю, письмо наемника – документ. Он многое проясняет о том времени и о тех чудовищах, которые взрастила, выпестовала эта война.

Здравствуй моя дорогая, любимая Наденька.

Вот решил написать еще одно письмо. Так как ты говоришь, что без меня тебе скучно. Сразу хочу тебе написать, что бы ты мне на этот адрес больше не писала. А то мы уже наверное 9-10 декабря свалим отсюда. Можешь на зимние каникулы приезжать, я буду очень рад. Пришли в бандерольке зубной пасты штук десять и носочек шерстяных. Ты уже меня поняла любимая, я это сердцем чую. Потому что я тебя люблю и ты меня любишь. Если бы ты знала, как я хочу к тебе, в твои объятия и ощущать твои горячие поцелуи. Но я в армии, которая мне уже надоела, наверное, на всю жизнь. Бабушке и дедушке передай большой привет от меня, горячий и огромный. Скажи им, что они со мной в каждом бою. Эх, Наденька, говорил я тебе, давай я разберусь с Толяном. Но ты не захотела, а теперь нужно ждать 10 месяцев. А в отпуск я не знаю поеду или нет. Вот с Ванечкой у нас будет разговор, я ему покажу кузькину мать. Он тебя за сто км будет обходить. Наденька, ты не бойся, я могу их обоих на тот свет отправить, вот возьму и обоих под осиновый крест и положу. Я здесь на армянах, да на азерах научился, так прямо можешь им обоим передать.

Передай Алексею привет, пусть со мной свяжется, здесь можно кое-что до-стать. Буду заканчивать свое письмо, до свидания моя любимая, моя дорогая. Твой Валентин.

8 декабря 1991 года.

(пунктуация и орфография в письме не изменены – автор.)

Где сейчас этот наемник, на ком оттачивает свое мастерство киллера? Теперь ясно, кому и зачем нужна Чечня, слишком много наемной швали бродит неприкаянно по городам и весям российским. Как легко и нежно этот тип свернет шею любому, о ком упомянет в своем письме кокетливая Наденька.

То, что в Шуше есть пятая колонна, было известно. Прошло несколько дней, и 11 декабря мы узнали, что в Шуше местный парень вошел в кабинет мэра Шуши Гезалова и убил его.

Гезалов был надеждой шушинцев, их опорой и верой. Когда говорят о том, как была сдана Шуша, я всегда читаю это письмо. Еще одно свидетельство того, что плацдармы для наступления создавались заранее.